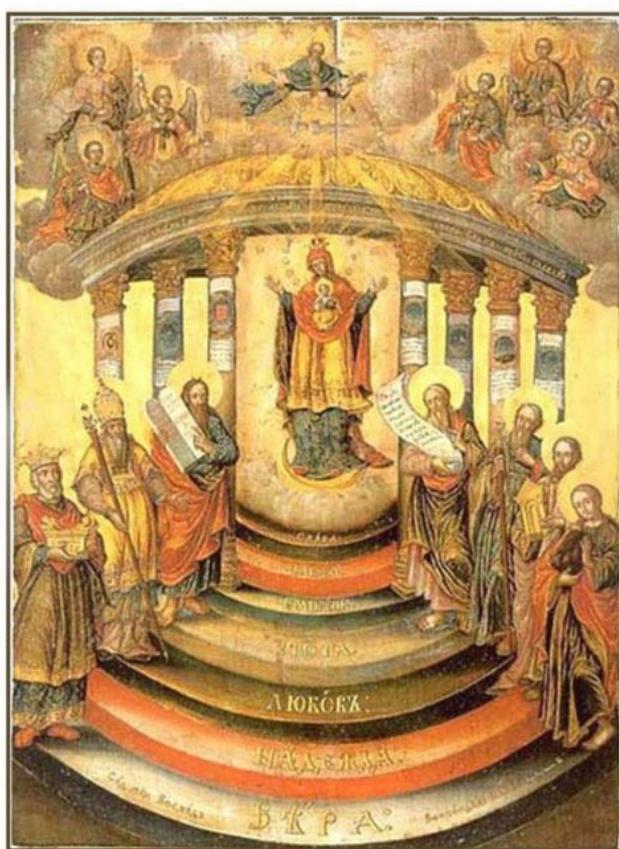

ВИКТОР КАПИТАНЧУК

Мир как икона Божия

*“Премудрость созда себе дом
и утверди столпов седмь...”*

(Притч. 9.1)

«ПРАВОСЛАВНАЯ ИКОНОЛОГИЯ МИРА»

Виктор Капитанчук

Мир как икона Божия

«Издательские решения»

Капитанчук В.

Мир как икона Божия / В. Капитанчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852858-3

В книге содержится метод рассмотрения окружающего нас мира, основанный на святоотеческом богословии, воспринимающем мир как икону Божию. Иконологический взгляд на мир позволяет разобраться в многообразии тварного мира, понять различие, взаимодействие и духовную окачественность его реальностей: отдельных личностей, культурных явлений, ответить на многие вопросы истории и современности. Этот подход приближает нас к «цельному знанию», к которому была устремлена русская религиозно-философская мысль.

ISBN 978-5-44-852858-3

© Капитанчук В.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	7
Воспоминания	9
1. Приход в Церковь	9
2. Путь к иконологии как возможности цельного знания	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мир как икона Божия

Виктор Капитанчук

Редактор Илья Капитанчук

© Виктор Капитанчук, 2018

ISBN 978-5-4485-2858-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

“Не случайно и не напрасно этот мир был задуман, но чтобы он мог внести свою лепту в осуществление определенной полезной цели и для большого блага всего сущего, - раз уж он действительно служит для разумных душ наставником и детоводителем к богопознанию, ведя ум через видимое и чувственное к созерцанию невидимого...

*Бог, создавший великое и устроивший...
да даст вам во всем разумение Его истины,
чтобы вы из видимого познавали невидимое,
из величия и красоты тварей собирали
подобное понятие о Сотворившем нас...
Да даст нам и в земле, и в воздухе, и в небе,
и в воде, и в ночи, и во дне, и во всем видимом
сбирать ясные напоминания о Благодетеле.
Ибо не оставим никакого времени грехам, ни
врагу не уступим места в сердцах наших, если
через непрестанное памятование будем давать
в себе жительство Богу, Которому всякая слава
и поклонение, ныне, присно, и во веки веков.
Аминь.”*

Свт. Василий Великий

О том, что человек и не только человек, но и всё творение Божие, являются Божественной иконой, Церковь говорила всегда. Об этом писали многие святые отцы. Иногда, даже весьма грозно, по отношению к тем, кто не видел в сущностях тварного мира иконического отображения высших Божественных Первообразов.

Святой Максим Исповедник писал: *«прокляты те, которые не научились постигать из сущих (тварных реальностей – В. К.) Причину и природные свойства этой Причины (т. е. Творца – Бога – В. К.), то есть Силу и Божество. Ибо тварь взывает своими делами и как бы возвещает тем, кто обладает духовным слухом, собственную Причину, троично воспеваемую, то есть и Отца, и неизреченную Его Силу, и Божество, то есть Единородное слово и Духа Святого.»* (Творения преподобного Максима Исповедника, «Мартис», 1993, кн. 2, с. 47).

То есть Бог и как Причина сущего и Его природные свойства и прежде всего троичность, раскрываются при взгляде на творение как на икону. Раскрываясь в творении природные свойства Божественных Ипостасей освещают его светом истины.

Рассмотрению мира как иконы Божией в том числе в конкретных проявлениях и применении иконологического метода для опознания духовной окачественности тварных реальностей – истинная ли это икона или подверженная искажению и несовершенству – этому и посвящены материалы, содержащиеся в этой книге.

Что же даёт нам иконическое видение мира? Во-первых, воспринимая всё сущее как икону Божию, мы воздаём хвалу и благодарение Творцу всего сущего.

Иконология помогает понять смысл различия, особенностей разных людей, народов, культур, учений. ... Этим расширяются возможности понимания между людьми и культурами, помогают увидеть в другом образ Божий по-другому явленный.

Сопоставление тварных образов с догматическим учением Церкви о Боге и Христе, о вечных Божественных Первообразах позволяет судить о том, насколько истинными или искажёнными являются образы и структуры тварного мира.

В конечном счёте, иконология ведёт к «цельному знанию», гармонично сочетающему Божественное Откровение и светскую культуру.

Об авторе

Виктор Афанасьевич Капитанчук родился в 1945 г. Окончил в 1967 г. химический факультет Московского Университета. В 1965 г. крестился и стал членом Русской Православной Церкви. Работал научным сотрудником в Институте Физической Химии АН СССР в области радиационно-химических процессов. С 1971 г. перешёл на работу во Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И. Э. Грабаря, где занимался вопросами технологии и методики реставрации произведений искусства. С 1991 г. работал в иконной мастерской храма Всех Святых, что в Красном Селе.

Вопросами религиозной философии начал интересоваться с 16 лет. Изучал вначале русских религиозных философов, затем перешёл к святоотеческому богословию. Главный интерес его исследований – обретение целостного мировоззрения, основанного на Священном Писании и Священном Предании Православной Церкви и охватывающего в то же время проблемы человеческой истории и культуры. «Цельное знание» мыслится при этом не как «синтез» религии и культуры, но как воцерковление культуры через осмысление её в свете церковного сознания.

В. А. Капитанчук был одним из соавторов Обращения на Поместный Собор Русской Православной Церкви 1971 г., которое было посвящено критике богословского модернизма, начавшего в то время проникать на страницы Журнала Московской Патриархии. Некоторое время Капитанчук принимал участие в диссидентском движении, став в 1976 г. одним из учредителей Христианского Комитета защиты прав верующих. В дальнейшем изменил своё отношение к диссидентству и совершенно отошёл от него.

В последние десять лет Капитанчук неоднократно выступал на различных, в том числе международных богословских и философских конференциях с результатами своих работ. Одна из статей, под названием: «Выбор России в свете православной веры», имеющая обобщающее значение для большей части его работы была опубликована в журнале «Любовь и вера», 1, 1995 г. До «перестройки» неоднократно публиковался в «самиздатских» журналах и под различными псевдонимами в зарубежных изданиях.

В настоящее время продолжает заниматься вопросами иконологии. В отличие от иконоведения, изучающего собственно иконы, под «иконологией» понимается учение об образах и структурах тварного мира вообще, основанное на православной церковной традиции.

Воспоминания

1. Приход в Церковь

В шестидесятых годах в стране началось бурное строительство блочных и панельных домов с малогабаритными квартирами с целью расселения московских коммуналок. Наша семья тоже получила маленькую двухкомнатную квартиру в одном из «хрущёвских», как их тогда называли, домов. Мы переехали в Измайлово. До того времени наш дом был на Бакунинской улице, недалеко от Елоховского, патриаршего собора. Это почти центр Москвы. А Измайлово тогда было ещё довольно далёкой окраиной. Оно только недавно начало застраиваться «хрущёвскими» домами и превращаться в один из спальных районов Москвы. А раньше Измайлово – это был старинный Петровский городок, связанный с юностью Петра I и Измайловский парк, куда мы с ребятами из школы по выходным часто ездили кататься на лыжах.

Тогда, ко времени переезда, я учился в девятом классе, и мне было 15 лет. Пришлось, конечно, переходить в новую школу.

Район был новый. Вокруг деревенские дома и деревянные бараки, несколько домов, построенных после войны пленными немцами. Магазин тоже в каком-то маленьком деревянном домишке. Тогда же ввели и новые непривычные деньги: маленькие по размеру, пёстрые и какие-то как бы игрушечные. Всё было новое.

Школа, в которую я поступил была десятилетней. А в то время страна пыталась зачем-то переходить на одиннадцатилетнее обучение. Лишний год учиться никому не хотелось, а потому все стремились перевестись в десятилетки. Директор нашей школы имел возможность из новых выбирать по отметкам лучших учеников. Так получилось, что класс, куда я попал, разделился по интересам на две группы: местные, учившиеся здесь с первого класса, в основном из окружающих почти что деревень, и новые, с повышенной успеваемостью. Никакой вражды между нами не было, напротив, отношения были вполне дружеские, но всё же разделение по интересам, да и в силу давнего знакомства между собой местных, разделение – было.

Мои новые друзья оказались людьми, действительно, интересными: кто увлекался музыкой, кто – историей, кто – физикой. Сам я испытывал с шестого класса влечение к химии, которую в школе, кстати сказать, в шестом классе ещё не преподавали. Но в прежней школе мы с друзьями «химичили» вовсю. Участвовали в университетских олимпиадах, занимались в кружке при МГУ, вели химический кружок в школе.

Моими новыми друзьями стали вот кто. Миша Кузнецов – в будущем физик, очень серьёзный человек. Ему удалось поступить потом в «Физтех», а это тогда считался самый трудный для поступления институт. Потруднее университета. Девушка Ира, которая прекрасно знала немецкий, увлекалась классической музыкой и математикой. Я вместе с ней даже ходил на подготовительные лекции по математике для поступления в университет, хотя сам поступать на мехмат в университет не собирался. Но лекции, действительно, были изумительно интересными, просто артистически, захватывающе читавшимися двумя профессорами университета. Кроме того, совершенно невежественный в области классической музыки я накопил пластинок, и началось моё образование в этой области.

Был ещё Володя, внук члена одной из дореволюционных Государственных Дум. У него была интересная библиотека и хранились старые газеты. Помню, он принёс как-то старый номер то ли «Правды», то ли «Известий», посвящённый первой годовщине Октябрьской революции.

В этой газете Ленин торжественно заявлял, что мировая пролетарская революция совершится не далее, чем через год. Было весело. Тем более, что в том же 1961 году состоялся XXII съезд понятно какой партии, ну той, что провозгласила себя «умом, честью, и совестью нашей эпохи». На этом съезде нахальная партия торжественно провозглашала: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». И даже конкретизировала: к 1980-му году будут бесплатными общественный транспорт и общественное питание. Такая вот замечательная была партия. Тоже смешная. Любила она вывешивать на домах огромными буквами лозунги типа: «Слава КПСС», то есть слава себе самой. Здорово было придумано. Но некоторые вокруг продолжали почему-то ей верить. К нам это уже не относилось.

Самым близким моим другом в школе стал Володя Юликов, увлекавшийся физикой, и тоже собиравшийся в «Физтех». Он, помнится, чуть не на всех уроках сидел и решал из специальных сборников задачи на прежних вступительных экзаменах в «Физтех», совершенно не обращая внимания на другие школьные предметы за исключением математики и физики. Но оценки в аттестат получил вполне приличные. Школьная программа, тогда во всяком случае, была явно рассчитана на отстающих, и поэтому можно было не напрягаться. Увы, в «Физтех» он не поступил. Экзамены сдал так, что его потом по этим результатам без экзаменов зачислили в Станкоинструментальный. Почему же не поступил? Причина простая. Мать у него, добрейшая, кстати сказать женщина, была еврейкой, что сильно отразилось на Володиной внешности. И вот ему на собеседовании объявили: здоровье, дескать у Вас слабое, а учиться у нас трудно. Володя отвечал: помилюйте, какое там здоровье слабое, я спортсмен у меня второй разряд по конькам. Да, нет, говорят заботливые члены приёмной комиссии, нам лучше знать. Этот замечательный институт возглавлялся тогда антисемитом, что было известно, но это, конечно, к делу не относится. Несмотря на «слабое здоровье» Володя потом не только закончил другой институт, но и блестяще защитил диссертацию. Да и сейчас в свои почтенные годы на здоровье не жалуется.

У Володи был брат. Вот этот брат был в нашем окружении самой яркой фигурой. Он был на два года старше нас и учился в Центральной художественной школе, и даже жил одно время в интернате при этой школе. Родители его на время уезжали в командировку в Китай. А там уж он, в этой школе-интернате такого всякого набрался... Отец его, очень неплохой человек, но правоверный коммунист, вернувшись из Китая, обнаружил у сына на полке книжки разные, Ницше, например. Что тут было... Чуть ли не драка.

От этого Володиного брата – Саши много я всякого узнал, что в школах не преподавалось. Особенно по части искусства. Пикассо, Дали, импрессионисты... А даже импрессионисты тогда считались «неправильными»: поскольку не соцреалисты и даже не передвижники, особенно славившиеся тогда своими картинами, обличавшими «неправильный» государственный строй до революции.

Я часто брал у Саши разные книги почитать. Главным образом по искусству. Но однажды взял Евангелие, которое, как уж стал понимать, просто стыдно было не знать.

Дома от родителей Евангелие надо было прятать во избежание скандала. И мать и отец у меня были коммунистами и даже верующими коммунистами. В коммунизм верующими.

Почитал я Евангелие, и, начался у меня период сомнений в истинности безбожной коммунистической идеологии вместе с её философией, называвшей себя «единственно верным учением».

Почему же это вся современная европейская культура лежит на ложном, как они говорят, основании? Чтобы во всём разобраться мне нужна была литература по религии, но где же её взять? В магазине, понятное дело. Там правда была только атеистическая литература. Религиозную литературу читать советскому человеку было не положено. Так полагало «родное советское правительство». Оно считало, что лучше знает, что нужно, а что не нужно советскому человеку. За это следовало быть благодарным, но я благодарности, признаюсь, не испытывал.

Приходилось покупать атеистическую. И что же? Оказалось, что если читать её достаточно серьёзно, то много интересного можно узнать и о религии и о так называемом «научном атеизме». В это время я уже учился на химфаке МГУ, и мне просто полагалось уметь отличать «научное» от «ненаучного». Да это было и несложно, необязательно было учиться для этого в МГУ. Понятно, что откровенная ложь, искажение текстов научными быть не могут. Ну и так далее... Короче, ничего «научного» в атеизме не обнаруживалось. Зато легко обнаруживалась полная несостоятельность аргументов, фальсификации и произвольность утверждений. Партийная установка была на атеизм, и этого было достаточно. И всем настоящим советским людям полагалось верить «уму, чести и совести нашей эпохи», а не копаться в аргументах и фактах. Поэтому составители книжек этих и не очень-то напрягались. Да и кто стал бы их критиковать в печати и оспаривать. Понятно, что такое положение дел, когда критика отсутствует, а личная совесть заменяется совестью партии, такое положение развращает автора безмерно и делает его абсолютно безответственным. Что и объясняет ничтожность советского «научного атеизма».

Действие атеистической литературы оказывалось прямо противоположным её назначению.

А ведь были и ещё книжки дореволюционного, да и некоторые советского издания, которые можно было прочесть. Достоевский, Толстой. «Исповедь» Толстого произвела достаточно сильное впечатление. Я окончательно пришёл к выводу, что без Бога жизнь не только бессмысленна, но и унижительно абсурдна.

Но вот искусство, живопись, музыка, церковная архитектура, которая мне очень нравилась, говорили другое. И это всё обман и следствие обмана? Чужая какая-то...

И тут попадаете мне книга Бердяева «Sub specie aeternitatis (Под знаком вечности). Опыты философские, социальные и литературные».

Книга произвела на меня потрясающее впечатление. После официальной идеологии было такое ощущение, что из грязного вонючего сортира ты вдруг выходишь на широкое поле, покрытое цветами, над тобой голубое небо и солнышко светит и птички поют. Воздух свежий, живой. Я почувствовал, что здесь – моё, родное. И с тех пор это отношение к русской религиозной мысли, и, главное, к Православию, питавшему эту мысль, продолжало только укрепляться. Особенно, когда, наконец, я пришёл в Церковь.

Нас в семье было два брата. И у нас была прекрасная няня, тогда говорили «домработница». В те времена мои родители, инженер и учительница, оба работавшие могли себе позволить нанять домработницу. Она была у нас как член нашей семьи и любила нас с братом, как родная. Звали мы её тётя Таня. Она была православной верующей. И вот однажды, не спрашиваясь у родителей, отнесла моего маленького тогда брата в Елоховский собор, и там его окрестили. А я оставался некрещёным. И вот что интересно. То, что я не крещён, меня как-то постоянно беспокоило, и в тот период, когда я считал себя в Бога неверующим. Почему я говорю «В тот период»? До школы у меня были религиозные и переживания и вопрошания, хотя не всегда осознанные, а иногда и осознанные. Лето мы с братом проводили в Старой Рязани – бывшей когда-то, до сожжения её Батыем в 1237 году столицей Рязанского княжества.

Диорама «Героическая оборона Старой Рязани от монголо-татарских войск в 1237 году»

Там, где стояли городские укрепления, сохранились валы, а близ реки, под холмом, где находилось кладбище, сохранилась полуразрушенная, разорённая церковь. Само место напоминало об истории, да и местные мальчишки рассказывали обо всём, что здесь происходило в XIII веке так, как будто они сами, или по крайней мере их родители всё видели. Я любил бывать на кладбище, рисовать памятники и любил заходить в церковь. Да, там всё было разорено, но было так таинственно. Оставалось какое-то ощущение, что там есть то, чего нет в другом месте. И представлялось, что когда-то, не так уж и давно, вот здесь разжигали кадило, и плыл по церкви кадильный дым. И люди стояли и молились, и священники служили в своих облачениях... И вот мы с местными обсуждали: может Бог всё же есть?

Потом бабушка переехала в Москву, мы перестали ездить в Старую Рязань. А тут ещё школа со своими заботами, олимпиады разные и прочие детские и юношеские увлечения и дела. О Боге не очень вспоминалось до тех пор, пока я не перешёл в новую школу, и началось всё то, о чём я уже написал. Хотя любовь к Старой Рязани была всегда и остаётся. И это сильное чувство.

У меня была ещё одна бабушка, украинская, православная. Редко, но она говорила нам о Христе. Жалела, что я не верил в Христа, но спрашивала: «Но ты на Него не плюёшь»? Так вот она спрашивала. И я решительно отвечал, что, конечно, нет! Помню, она даже картинки какие-то показывала на евангельские темы. И это отложилось в памяти. Это и её молитвы сыграли, конечно, роль в моём приходе в Церковь.

К двадцати годам я решил креститься. Перед этим мы с друзьями ездили на студенческих каникулах в Углич, Кириллов, Ферапонтов, Кижи. Поездка была чудесная. Особенно сильное впечатление произвели Кижи. Лежим мы себе на траве, серый такой денёк, дождик мелкий моросит, а над нами высятся дивные кижские храмы. А внутри храмов внезапный праздник ярких красочных икон. Потрясающе. И это всё – ошибка, ложь? Да не может быть! Вот отчасти под впечатлениями от этой поездки, я почему-то решил, что креститься буду где-нибудь там, на севере, в одном из деревенских храмов. Да, ещё может из соображений конспирации: в семье и в университете надо было всё это скрывать во избежание скандалов и возможного вылета из университета.

Была весна, мне недавно стукнуло двадцать лет. Приближалась Пасха. Я не знал, есть ли кто-то ещё верующий из моих друзей, но предполагал, что нет. Но вот Саша Юликов – художник, у которого я брал Евангелие, а потом и некоторые книги по религиозной философии, спрашивает меня: «А ты на Пасху в Церковь пойдёшь?» Я говорю: «Да, пойду». Он предлагает: «Пошли вместе».

Можно было догадываться, что он верующий, но прямо я его об этом не спрашивал. Кто знает, думалось тогда, может быть, он просто разной философией увлекается.

И вот на Пасху поехали мы с ним вместе в церковь. Я уже знал, что у него есть знакомый священник. Туда и поехали. В Тарасовку по Ярославской дороге. Идём ночью от станции. Темно, звёзды, снег кругом. И вот впереди показывается церковь, в окошках тепло горят огни. Нас провели на хоры. Народу много. Но что поразило меня тогда, так это то, что рядом с нами на хорах ещё молодёжь. Значит я не один, мы не одни. И все крестятся. И я тоже крещусь с радостью, а не потому, что не хочу выделяться. Пошёл крестный ход, в храме зажгли свечи. Я чувствую себя как бы охваченным этим морем огня, радости, единения со всеми. И, конечно, потрясающая служба. Из слов мало что понимаю, но «Христос воскрес!» и «Господи помилуй» – уж это-то понятно. Читают Евангелие на разных языках. Один из священников читает по-гречески. Это, как я узнал потом, о. Александр Мень. Он-то и был, оказывается духовником моего приятеля Саши, и книги-то по религиозной философии, которые я читал, как это уже впоследствии оказалось, были из его библиотеки.

В субботу перед праздником Св. Троицы о. Александр и крестил меня, там же на хорах тарасовской церкви. Крёстным моим стал Саша. О. Александр Мень стал моим первым духовником.

о. Александр Мень

У о. Александра в это время было несколько духовных детей примерно нашего возраста. Почти все – студенты: гуманитарии, естественники, художники. И все недавно пришедшие в Церковь. О. Александр для нашего образования и общения предложил нам создать кружок по изучению Евангелия. Взять Евангелие от Марка и читать его постепенно с параллельными

местами из других Евангелий и с найденными комментариями, выясняя и по возможности обсуждая возникающие при этом вопросы. Собирались мы раз в неделю, по субботам. И целый почти учебный год были для нас эти встречи необыкновенно желанным праздником. Мне как-то досталось там сделать доклад на тему толстовского учения о непротавлении злу насилием и тому, как относится к этому церковь... О. Александр вручил мне свою соответствующую книжку, уже не помню какую именно, и толстый коричневый карандаш. «Подчёркивай, не стесняйся. Книги надо читать, подчёркивая». Подчёркиваю с тех пор, или выписки делаю, или ссылки на последнем, чистом листе. За время наших субботних встреч, все мы очень сблизались, подружались, и неудивительно, что потом несколько участников этого кружка обвенчались.

2. Путь к иконологии как возможности цельного знания

В начале октября 1966 г. несколько молодых православных христиан, в основном – духовные дети о. Александра Меня, среди которых был и я, по его благословению были собраны для получения богословского образования в неофициальном, так сказать, порядке.

В это время, как известно, официальные учебные заведения Московской Патриархии – семинарии и академии находились под жёстким контролем атеистического тоталитарного государства. Даже и поступить-то туда человеку, имеющему высшее светское образование было делом чрезвычайно трудным, практически невозможным. Государство старалось науку и религию держать подальше друг от друга, пытаясь сохранить миф об их несовместимости. С точки зрения коммунистов вера была уделом неграмотных старушек. Молодой, да ещё образованный верующий самым фактом своего существования подрывал коммунистическую идеологию. Допустить такой факт было упущением со стороны «самого передового общественного строя», а уж если он появлялся, с ним боролись. Например, объявляли такого верующего сумасшедшим. Причём иногда вполне искренне. Как ни дико теперь это выглядит, это действительно было. По коммунистической теории общественное бытие должно было определять сознание. Если сознание человека не определялось его бытием в «самом прогрессивном» марксистско-ленинском атеистическом обществе, то не в коммунистической теории видели причину, а в ненормальности сознания. А как же иначе?!

Итак, приходилось искать другие пути религиозного образования. Некоторый опыт уже был. Когда я заинтересовался впервые вопросами религии, то не был ещё знаком ни с кем из священников и не имел никакого доступа к религиозной литературе. Единственная книга, которая у меня была – Евангелие, взятое на время у приятеля. Главная книга. Но больше – ничего. А вопросов было много. И о якобы противоречиях в Евангелии, и о якобы несовместимости науки и религии и много ещё других, порождённых злонамеренным бредом «научного» атеизма. И вот тут помогли эти самые атеистические книги, которые давали понять, без особенного к тому же труда, что атеизм абсолютно не научен. Более того, во всяком случае, тот атеизм, который в нас пытались запихнуть, отвратительно пах шулерством самого примитивного свойства. Например, излагая Евангелие, атеисты просто ввали, рассчитывая, очевидно, на аудиторию которая не сможет или не захочет их проверять. Кроме дискредитации атеизма атеистические брошюры давали ещё и какие-то сведения, какую-то информацию о религии, о Церкви. Так что роль их при внимательном чтении могла быть и положительной.

Издавались всё же и какие-то философы, кроме марксистских. Я вспоминаю один случай, когда мой знакомый, учившийся в Московском Университете, на лекциях по философии специально выписывал имена «философов – мракобесов», чтобы потом взять их работы или хотя бы что-то о них, но более подробно в университетской библиотеке. Вот тут хочется упомянуть добрым словом университетскую библиотеку. Там студентам давали не только каких-то немецких идеалистов XIX века, но и наших отечественных «мракобесов и контрреволюционеров». Сам получал в читальном зале на Моховой о. Павла Флоренского «Столп и Утверждение Истины».

В результате нескольких лет такой работы были устранены последние предрассудки, мешавшие мне принять Православие, в истинности которого я окончательно убедился. И тогда я решил креститься. Крещён я был в 1965 году о. Александром Менем в день Родительской субботы перед праздником Св. Троицы.

В том же 1965 году, как я уже писал об этом, недавно пришедшие в Церковь мы по благословению о. Александра образовали кружок по изучению Евангелия.

Было решено на следующий год продолжить наше образование, но на более серьёзном уровне. Если в евангельском кружке мы занимались в основном самообразованием по книгам,

то теперь нам был нужен преподаватель и руководитель в наших занятиях. О. Александром был выбран для этой цели Феликс Карелин.

Что же это за человек – Феликс Карелин? Он был очень необычной, незаурядной личностью, и суждения о нём диаметрально противоположны. Есть суждение и опубликованное. Я имею в виду книгу Зои Масленниковой «Жизнь отца Александра Меня». В этой книге Масленникова, сама Карелина не зная, создаёт некий демонический образ, невероятно перевирая и ещё более невероятно перетолковывая события, бывшие в действительности, и присочиняя то, чего не было. Зачем она это сделала? Вероятно, ей казалось, что «луч света в тёмном царстве», каким она хотела представить образ дорогого ей человека, будет тем ярче, чем темнее вокруг. Поэтому на чёрную краску в описании окружения о. Александра Меня она не скупилась. Очевидно, женская пристрастность оказалась сильнее здравого смысла и честности мемуариста. Явно при этом она, конечно, не желая того, иногда бросает тень на самого о. Александра. Интересно, как же это он, зная, какой страшный человек Феликс Карелин, выбрал именно его нам в наставники? И произошло это в том самом 1966 г., когда, как уверяет она, «о. Александр окончательно разорвал с группой Феликса». Не знаю, что она под этим подразумевает, но отношения их, действительно, постепенно сошли на нет, Феликс перестал ездить к о. Александру. Это было следствием отрицательного отношения Феликса к церковному модернизму о. Александра Меня. Но осенью 1966 г. отношения были ещё самые дружеские и доверительные.

Феликс Карелин 1965 г.

Судьба Карелина, как и он сам, была очень необычной. Феликс Владимирович Карелин (1925 – 1992), как он сам рассказывал, родился в семье крупного чекиста – заместителя начальника особого отдела НКВД по Российской Федерации. Отец и мать – оба евреи. До ареста отца, по воспоминаниям Феликса, семья жила роскошно.

Последнее воспоминание об отце: маленький Феликс заходит в кабинет, где отец разговаривает со своим другом. Отец говорит: «Ничего не понимаю, если и дальше так пойдёт, скоро и нас с тобой арестуют». Отца, действительно, арестовывают. Затем и мать репрессирована как член семьи врага народа. Феликса помещают в детский дом для детей репрессированных родителей. В актовом зале над сценой транспарант: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

В годы реабилитации Феликс обращался в соответствующие инстанции с вопросом об отце. Сотрудник органов при нём перелистывал дело отца и приговаривал: «Да, неблагоприятные дела...». В реабилитации было отказано. В чём отец конкретно обвинялся, Феликс так и не узнал.

В конце войны Феликс был призван в армию. Там его как идейного комсомольца завербовали чекисты. После войны он вернулся в Москву, и был направлен как сексот в один молодёжный философский кружок. Феликс начал давать информацию на членов этого кружка, но под влиянием общения с новыми друзьями его мировоззрение стало меняться. Он решил, что для него нравственно необходимо открыться и рассказать о своей работе в органах. Однажды,

поздно вечером в метро он рассказал двум лидерам этого кружка о своём стукачестве. Для тех это был, конечно, страшный удар. Они вместе решили, что Феликс должен написать заявление, в котором откажется от всех своих донесений и от продолжения работы на «органы». Чем это ему грозило, Феликс, конечно, прекрасно сознавал. Позднее, уже будучи арестованным, подследственным он видел своё заявление с резолюцией самого Абакумова: «Карелина арестовать». Вместе с ним были арестованы тогда же и другие члены кружка.

В лагере один из членов кружка Виктор Красин, ставший потом вместе с Петром Якиром известным диссидентом, повстречался с Феликсом. Он вполне доверял Феликсу, что доказывалось тем, что Красин сообщил ему о своих планах побега.

Заключённые лагеря, где находился Феликс, готовили восстание (по другим источникам – побег). Стало известно, что есть осведомитель. Осведомителя решено было убить. Феликс, возможно чтобы окончательно искупить свою вину и снять с себя всякое подозрение, вызвался привести этот приговор в исполнение. Он заколол осведомителя на нарах. Против него было возбуждено новое уголовное дело. Он был помещён в одиночку и ждал смертного приговора.

Незадолго до своего ареста Феликс пережил религиозное обращение, но крещён ещё не был. В лагере он уже носил крест и считал себя христианином.

Во время одиночного заключения и произошло то, что Феликс называл откровением звезды. Перед этим у него было несколько необычных снов, о которых он впоследствии рассказывал проживавшей в Сергиевом Посаде прозорливой старице схиигуменье Марии. Мне со слов Феликса известно два её предсказания (я узнал их ещё до того, как они осуществились). Схиигуменья Мария говорила Феликсу: «Держись Пимена, Пимен будет Патриархом». Второе ещё более поразительное: «Однажды мы заснём в России, а проснёмся в Америке». По поводу снов Феликса она сказала: «Все сны хорошие, все сны к покаянию». Вот после этих снов у Феликса начался, как он говорил «поток уразумения», сущность которого сводилась к тому, что первообразом всех образов тварного мира является шестиконечная звезда. Он хорошо запомнил дату, когда это началось. Это было 1 апреля 1952 года. Этой дате Феликс придавал особое значение, так как считал, что по преданию в этот день – 1 апреля произошло воскресение Господне.

После этого события, продолжавшегося в течение нескольких дней, Феликс вообразил, что теперь он непременно должен быть освобождён чудесным образом из тюрьмы, чтобы проповедовать данное ему уразумение. Но этого не произошло, что воспринял Феликс спокойно. Состоялся суд. Феликсу добавили срок. Освобождён он был в 1956 году, пробыв в заключении восемь лет. (Впоследствии по первому своему делу Феликс был реабилитирован).

В лагере Феликс принял крещение. Когда об этом узнала его мать, еврейка и бывшая жена видного чекиста, она сказала: «Лучше бы ты умер». Но, неисповедимы пути Господни. Спустя много лет, незадолго перед смертью она, под влиянием Феликса, конечно, сама с большой радостью приняла крещение. Её крестил о. Александр Мень.

После освобождения Феликс живёт некоторое время в Ташкенте, где знакомится с архимандритом Борисом (Холчевым), и становится его духовным сыном. Хотя его грехи сексотства и убийства были совершены до крещения, Феликс исповедуется в них. Архимандрит Борис по поводу его стукачества сказал ему: «Ведь Вы были тогда убеждённым комсомольцем, это вы воспринимали как свой долг...». Рассказывал Феликс о. Борису и о звезде.

Феликс всегда с большой любовью вспоминал об о. Борисе. Он говорил, что по-настоящему у него был один духовный отец – архимандрит Борис.

Архим. о. Борис (Холчев)

Мне посчастливилось много лет спустя быть в Ташкенте и познакомиться с о. Борисом. От него исходило ощущение необычайного мира и спокойствия. Для меня он навсегда остался неким эталоном православного человека, живым критерием православности. Думается, эта встреча сыграла очень важную роль в моей духовной жизни.

Поселившись в Москве, Феликс знакомится с церковными людьми. Его принимают в доме А. В. Ведерникова, редактора Журнала Московской Патриархии. Он выступает с толкованием Апокалипсиса. Принимают его с большим воодушевлением. Действительно, говорить Феликс умел прекрасно. Кроме того, он обладал даром логического убеждения собеседника. О. Александр говорил про него: «Феликс может убедить в чём угодно». Своё прошлое Феликс не скрывал, но и не афишировал. И вот, вдруг в тех кругах, где его восторженно принимали, узнают, что он был стукачом и убийцей. Это производит впечатление шока. Нужно ещё ясно представлять себе, какое отношение было тогда к стукачам: страшнее стукача зверя нет. Кто-то отказывает ему в общении, но более спокойные и рассудительные вроде священников Александра Меня, Николая Эшлимана, Глеба Якунина, Дмитрия Дудко продолжают поддерживать с Феликсом отношения, справедливо полагая, что всё это было в прошлом и к тому же ещё до крещения.

В это время происходит хрущёвское усиление гонений на Церковь. Священники Эшлиман и Якунин вместе с Карелиным пишут Открытые Письма Светским властям и Патриарху о бедственном положении Церкви в СССР и о противоречии этого положения советским же законам. Это было одно из первых правозащитных выступлений. И это был свободный голос гонимой Церкви. Письма писали собственно Эшлиман и Карелин. Глеб Якунин непосредственного участия в писании не принимал, но всё одобрял и подгонял в работе. Однако, было решено, что Феликс подписывать письмо не будет. Опасались, что его прошлое может как-то отрицательно повлиять на то, как письмо будет принято. Феликс согласился с этим, хотя впоследствии и очень об этом жалел. Подписали письмо два священника. Письмо было размножено и послано не только адресатам, но всем правящим архиереям Русской Церкви.

Письмо было восторженно принято многими церковными людьми, в том числе и некоторыми архиереями. Большой резонанс оно имело и на Западе, в частности в православных кругах. Сквозь глушилки по радио доходили до нас эти отзывы. Помню, один из зарубежных архиереев свой ответ на письмо надписал словами Тараса Бульбы: «Слышу сынку». Однако Патриарх вынужден был под давлением властей запретить священников Эшлимана и Якунина

в священнослужении «за нарушение мира церковного». Священники подчинились решению Патриарха. Со стороны властей авторы Открытых Писем ожидали ареста. Их действительно вызывали в «органы», но арестовать не решились. Это был 1966 год.

В этом же году и была создана наша «подпольная духовная академия».

Итак, в начале октября 1966 года на квартире, которую снимал Л. Регельсон неподалёку от храма святителя Николая в Хамовниках, собрались о. Александр Мень, о. Николай Эшлиман, Феликс Карелин и мы, не так давно пришедшие в Церковь молодые тогда христиане. О. Александр отслужил молебен, представил нам Феликса как нашего преподавателя, а о. Николай напутствовал нас, сказав, что мы все, вероятно, ещё и не сознаём значение того дела, которое начато в этот день.

Полушутя, мы называли этот кружок подпольной духовной академией. В неё входило немного человек. Женя Барабанов, ставший впоследствии искусствоведам и философом, Миша Меерсон – Аксёнов, служащий теперь священником в Америке, Лев Регельсон, впоследствии автор известной книги: «Трагедия Русской Церкви» и диссидент, и я. Это был, так сказать, основной состав. Кроме нас время от времени приходили иногда и другие люди. Бывал, например, на наших занятиях Шурик Борисов, теперь – о. Александр, настоятель одного из московских храмов.

Впоследствии пути наши очень разошлись, между нами возникли большие разногласия. Но тогда... Тогда все мы были с благословения о. Александра учениками Феликса Карелина.

На наших занятиях мы изучали в основном Священное Писание, попутно касаясь многих основных догматических и экклезиологических вопросов. Феликс обладал феноменальной памятью и поражал нас своей эрудицией. Он старался быть строго церковным, богословствовать «по отцам» и избегать всяческого либерализма и модернизма в церковных вопросах. В этом, в частности, как я уже говорил, было его отличие от о. Александра Менья. Так, например, если Мень по отношению к религиозным мыслителям «серебряного века» говорил: «Это наши учителя», то Феликс относился к ним очень критически, показывая имеющиеся у них расхождения с церковным учением. Это несколько охладило мою эйфорию от знакомства с религиозной философией начала века. Некоторое время Феликс Карелин жил в Ташкенте и был, как я уже писал, духовным сыном архимандрита Бориса (Холчева), знавшего св. Нектария Оптинского и св. Алексия Мечёва и бывшего их духовным сыном и учеником. Феликс много рассказывал об о. Борисе, ссылаясь на него, на его высказывания как образец подлинной церковности. В какой-то мере Феликс был звеном в цепочке, связывающей нас с церковной традицией, с памятью о живой святости в Русской Церкви. Кроме того, его работа алтарником дала ему знание практической, повседневной и даже бытовой церковной традиции, что было очень ценно для нас, только пришедших в Церковь.

Да, Феликс был яркой личностью, и некоторые были склонны его переоценивать, может быть, видеть в нём нечто большее, чем следовало бы. Тем сильнее было потом отталкивание от него, когда он споткнулся. Дело-то было почти пустяковое, а скандал вышел большой. Наверно, не нравилась некоторым силам наша «академия», и вот она развалилась почти из-за ничего. На праздник Рождества в 1967 году Феликс был приглашён в гости. Там выпив (вообще он пил мало и никогда не напивался), он поцеловал хозяйку дома. Это вызвало бурю возмущения. Миша Меерсон и Женя Барабанов особенно возбудились. Женя говорил, что это, не только безнравственно, но «противоестественно», а Миша обещал «бегать по Москве и всем об этом рассказывать». Они разорвали с Феликсом всякие отношения.

Я разговаривал об этом и с о. Александром Менем, и с о. Николаем Эшлиманом. О. Александр объяснял всё тем, что Феликс, натура увлекающаяся и артистическая. Он вовсе не требовал порвать с ним или что-то в этом роде. Однако, Барабанов и Меерсон, его духовные дети сделали это. О. Николай Эшлиман сказал Феликсу: «Пить не надо в малознакомой компании», но больше всего он жалел о поведении Барабанова и Меерсона и о распаде «академии». Я

и Регельсон сохранили отношения с Феликсом, считая, что не наше дело судить личные грехи других людей. Вообще в этой реакции на происшедшее видится что-то иррационально – несообразное. В чём тут дело? Может быть в том, что, как говорил Фёдор Михайлович Достоевский, «любит мир падение праведника». Сначала праведника сочинят, потом раздуют его падение... Сам же Феликс никогда себя за праведника не выдавал, уж это так.

В те времена, когда «академия» ещё существовала, было заметно, что Лев Регельсон находится на каком-то особо доверительном положении. Ему Феликс сообщает нечто такое, чего мы ещё не знаем и что нам только предстоит узнать. Особенно это проявилось на одном из наших занятий. На обложке тетрадки своих конспектов я нарисовал сверху крест, а в центре – шестиконечную звезду. Шестиконечная звезда является, как я знал, символом Бога. Феликс, неожиданно для меня, был этим поражён. «Почему ты сделал это», – спросил он. Я ответил, что шестиконечная звезда кажется мне очень ёмким символом. «Да, – сказал он, – очень ёмкий символ. Если бы я рисовал обложку, я бы нарисовал точно такую. Это просто чудо. Надо, видно, ему всё рассказать». Он выразительно посмотрел на Регельсона. Но рассказал он мне всё значительно позже.

Это было уже в следующем году, после развала «академии». Как-то зимой мы гуляли возле Новодевичьего монастыря. Феликс вообще любил Новодевичий монастырь. Здесь была могила Владимира Соловьёва, которого он очень почитал, хотя и далеко не во всём с ним соглашался. Был поздний вечер, уже стемнело. Мы присели на скамейку над прудом. «Ну, что же ты хочешь знать», – спросил Феликс. «Всё», – ответил я. Что ещё я мог ответить? Феликс достал бумагу и нарисовал красным карандашом шестиконечную звезду. В вершинах верхнего треугольника он написал: Отец, Сын и Св. Дух. В вершинах нижнего: дух, вода и кровь. В центре звезды он написал: «Г. И. Х», то – есть Господь Иисус Христос.

Объяснение рисунка сводилось к следующему. В первом послании Св. Иоанна Богослова есть такое место:

«Сей есть Иисус Христос, пришедый водою и кровию (и Духом), не водою только, но водою и кровию; и Дух свидетельствует о Нем, потому что Дух есть истина.

Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святы́й Дух; и Сии три суть едино.

И три свидетельствуют на земле: дух вода и кровь; и сии три об одном.» (1 Иоанн; 5; 6 – 8).

Шестиконечная звезда изображает шесть высших Свидетелей того, что Иисус Христос есть Сын Божий, «пришедый водою и кровию», то есть воплотившийся и вочеловечившийся. Об этом свидетельствуют все три Лица Св. Троицы и три сферы тварного мира: ангельский мир – дух, космический – вода, и человеческий – кровь.

Шестиконечная звезда есть высший образ всего сущего, первообраз всей твари, ей сообразны все образы тварного мира. Но сообразны они различно. Каждый из них имеет наибольшую сообразность с тем или иным началом, изображаемым лучом шестиконечной звезды. Можно говорить о доминировании того или иного начала в каждом конкретном тварном образе или о той или иной доминанте этого образа. Кроме того, каждая реальность тварного мира имеет несколько уровней своего бытия у каждого из которых своя доминанта. Такое устройство тварного мира порождает многообразие образов в нём. Зная свойства каждой доминанты, и определяя доминанту рассматриваемого объекта в тварном мире, мы можем составлять верное суждение о свойствах предмета нашего рассмотрения и о взаимодействии различных реальностей тварного мира между собою. Таково было учение Феликса о шестиконечной звезде как первообразе всего сущего в тварном мире. Вернее это было основание учения, его суть, сердцевина, которая раскрывалась в конкретных рассмотрениях тех или иных реальностей в тварном мире в свете представления о шести доминантах.

Но где же взял он это учение? Феликс считал, что оно было открыто ему Богом во время его заключения в сталинском лагере. В тот момент он находился в одиночке, ожидая смертного

приговора. Несколько дней подряд он получал откровение о шестиконечной звезде. Не было ни видений, ни слышимых голосов. Был, как выражался Феликс, «поток уразумения» или «озарения». Он говорил, что сомневался, не прелесть ли это. Он молился, о том, чтобы Господь разрушил это его знание, если это прелесть. Впоследствии он нашёл подтверждение полученному знанию в приведённом тексте Послания Св. Иоанна Богослова, и это укрепило его в полученном знании.

Феликс рассказывал о звезде своим духовникам. О. Борис (Холчев) отнёсся к этому спокойно, но не придал особого значения. Много позднее мне довелось встретиться с о. Борисом. Я спрашивал его о звезде. Оказалось, что он просто забыл об этих разговорах с Феликсом. Но в то же время он и не воспринял всё это как прелесть, когда я снова вкратце снова рассказывал ему об этом учении Феликса. Сказал что-то вроде «может быть», во всяком случае никак особенно не прореагировал. Феликса же он помнил, и относился к нему по всей видимости хорошо. Когда Феликс был ещё его духовным сыном и хотел стать священником, о. Борис сказал ему: «Нет, священником Вы не будете. У Вас другой путь – путь литературного служения Церкви».

Рассказывал Феликс о звезде о. Александру Меню. Тот выслушал его и прокомментировал это так: «Ну, тебе это, наверно, какой-то йог телепатически передал». Звезда его не интересовала.

Эшлиман и Якунин приняли звезду с интересом, с большим интересом. Сами не занимались теоретическими рассматриваниями на этой основе, но предполагали у знания, основанного на звезде, большое будущее.

Действительно, представление о доминантах при рассмотрении образов тварного мира давало, казалось, поразительные возможности в познании. Ведь открывался некий универсальный принцип мироздания, некий безусловный критерий истинности в познании.

Как же Феликс объяснял себе и другим, что такое откровение было получено не великим святым подвижником, а человеком совершенно обычным в смысле праведности, во всяком случае в традиционном понимании праведности? Ведь должен же он был себе это как-то объяснять! Он говорил, что дар даётся не по заслугам, а даром. Вспоминалась тема Моцарта и Сальери. Главное – смиренное принятие дара, а не приписывание его собственным заслугам и подвижническим трудам. Да, он – «гуляка праздный», как Моцарт и Пушкин, а вовсе не подвижник, но не в наших силах понять Промысел Божий, кому и почему посылается дар.

Вечная проблема несовпадения гениальности и святости... Во всяком случае на святость Феликс не претендовал, как и на богословие в смысле богопознания. Его темой было всё же познание тварного мира. Хотя в основе предлагаемого метода лежало, как он полагал, особое откровение. Что же касается гениальности... Во всяком случае у него было представление о значительности своей миссии в этом мире. Звезда для него открывала невиданные ещё в истории возможности познания. Он говорил, что звезда – это тот «ключ Давидов», о котором сказано в Откровении Св. Иоанна Богослова:

«И Ангелу Филадельфийской церкви напиши: так говорит Святый, Истинный, имеющий ключ Давидов, Который открывает – и никто не затворит, затворяет – и никто не отворит» (Откр. 3:7).

И этот ключ, как полагал Феликс, вручён ему.

С помощью представления о шести доминантах в тварном мире, Феликс определял, какие явления в нём или какие стороны явления имеют ту или иную окачественность, Соответствующую окачественности Трёх Лиц Св. Троицы или трёх сфер тварного мира.

Этот метод применялся им, в частности для толкования Апокалипсиса. В Апокалипсисе часто используются различные числа. При их истолковании Феликс опирался на представление о шести доминантах. Так число семь понималось как совокупность реальностей шести доминант и ещё одной, совмещающей все шесть в равной степени и являющей некую полноту. Так

истолковывались семь Асийских Церквей, семь печатей, семь ангельских труб, семь чаш гнева Божия. Число двенадцать понималось как удвоенная шестирица.

Но что же это за удвоение? Тут на помощь Феликсу пришёл Регельсон, предложив своё соображение. Каждая доминанта может проявляться двояко, в двух судьбах: кенотической, то есть страдательной, крестной и прославленной. Отсюда – полнота реальностей отражающих высший первообраз явлена не шестью, а двенадцатью. Конечно же, это мысль была глубоко ложной. Прославление спасённой и преображённой твари в её совокупности и в каждой её части невозможно минуя крест. Прославление – следствие принятия тварью креста, крестного пути. И прославленная «судьба» может быть только продолжением «судьбы» крестной. Это одна судьба для всей твари и какое-либо разделение её, представление о прославленности без креста или о том, что одни преимущественно страдают, а другие преимущественно прославляются, совершенно противоречит православной вере и православному чувству. Неслучайно это привело впоследствии к тому, что Регельсон начал отрицать необходимость аскетизма и покаяния в наше время, которое, якобы, есть, время прославленных судеб, а время покаяния и аскетизма уже прошло. Но это было уже позже, тогда дикость предположения о «двух судьбах» как-то не замечалась. Впрочем, и внимания этой идее почти не уделялось, и никакой особой роли в наших дальнейших занятиях она не играла.

В основном внимание наше было занято рассмотрением окачественности различных реальностей и явлений и сопоставление этих окачественностей с шестью доминантами.

Наибольший интерес представляло выяснение доминант отдельных людей. Среди наших друзей были люди, в которых доминанты действительно были очень ярко выражены. Эти шесть типов окачественности личных свойств в отдельных случаях ярко проявлялись, а в других определить их было непросто. Однако, по мере подобных наблюдений всё более накапливался опыт и понимание конкретного содержания того, что есть доминанта. Были и ошибки, но они со временем исправлялись, и представление о доминантах становилось не только более полным, но и более точным. Опыт показывал, что есть, действительно шесть и только шесть основных типов окачественности, будь то отнесено к людям или другим реальностям и явлениям окружающего мира. Соотнесение этих реальностей с доминантами позволяло лучше понять окружающее и объяснить многие противоречия и непонимания, возникающие между представителями различных доминант, будь то центры духовной или светской культуры или взаимоотношения между друзьями и супругами.

Доминантная окачественность объясняла многообразие индивидуумов вообще, однако, возникал вопрос: если доминант только шесть, то чем объяснить множество индивидуумов, ведь их гораздо больше шести. Для объяснения этого Феликсом была предложена следующая картина. Подобно миру ангельскому, в мире человеческого существуют иерархии. Каждая личность определяет окачественность других шести личностей, воспринимающих её окачественность по шести доминантам. Их собственная окачественность соответствует прежде всего окачественности (доминанте) той личности, которая их возглавляет. Друг от друга они отличаются своей собственной доминантой. В свою очередь каждая из этих личностей определяет окачественность шести других и так далее. Стало быть, нужно, рассматривая окачественность личности, говорить о её доминанте на первом уровне, на втором и так далее. Практически возможным оказывалось определять только доминанту на первом и, иногда, на втором уровне. Ясно было, что чем иерархически выше личность, тем меньше у неё уровней, и тем легче определить её доминанту.

Это объяснение множества индивидуумов представлением о содержащей их иерархической структуре мог быть приложен не только к людям, но и к другим реальностям и явлениям.

Поскольку в результате происшедших впоследствии изменений во взглядах на природу и происхождение доминант, изменилось и понимание и их конкретного содержания. Об этом я собираюсь сказать несколько позже.

Казалось бы, получалась весьма стройная картина тварного мира, подтверждавшаяся не только специфическим опытом Феликса, но и нашим уже совместным опытом рассмотрения окружающего мира в свете представления о доминантах.

Однако, в скором времени начались недоумения. Первообразом шести типов окачественности были, согласно Феликсу «шесть свидетелей» Первого послания св. Иоанна Богослова, то есть три Лица Св. Троицы и три сферы тварного мира. Но тогда получалось, что первообразы шести доминант неравночестны: три – божественны, а три – тварны. Поскольку люди и другие реальности тварного мира, находящиеся на одном уровне бытия, на одном онтологическом уровне – равночестны, то и первообразы их, конечно, должны быть равночестны. У Феликса были, правда, соображения о некоей «высшей звезде». Такую звезду, он полагал образуют Три Лица Св. Троицы, а также божественные идеи (по которым, согласно св. Григорию Богослову сотворён мир), нетварные божественные энергии и некоторое «начало». Что это за «начало» такое, было совершенно неясно. Ясно было, что чего-то недостаёт для того, чтобы получить шестирицу Высших Первообразов тварного мира в мире нетварном. На том, что высших первообразов именно шесть, Феликс стоял непоколебимо. Ведь именно в этом и состояла суть полученного им знания. Для меня лично, это был ещё далеко не безусловный аргумент. Безусловным аргументом могла быть только подтверждение, полученное из опыта Церкви, из опыта святых отцов. Но, в то же время и наш опыт рассмотрения окружающего подтверждал, казалось, что доминант действительно шесть.

Вместо сомнительного «начала» я предложил такую картину. Есть единая божественная энергия, о которой учит Православная Церковь. Но в единой божественной энергии можно различать множество даров, идей, действий. Чем же это множество различается друг от друга? Очевидно, что в истоке этих различий могут лежать лишь качественные различия ипостасных свойств Божественных Лиц. Стало быть в единой божественной энергии различимы прежде всего три аспекта, соответствующие трём Божественным Ипостасям. И действительно, в сокровищнице православного богословия мы находим учение о *божественных идеях* – первообразах тварного мира, о собственно *божественных действиях*, через которые тварь может познавать Бога, и, наконец о *божественном естестве*, причастником которого призвано стать Божие творение.

«...благодать и мир вам да умножится в познании Бога и Христа Иисуса, Господа нашего. Как от Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, через познание Призвавшего нас славою и благодатию, которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.